

От ненависти До любви

Читайте романы Аллы Полянской в серии

От ненависти До любви

ОДНА МИНУТА И ВСЯ ЖИЗНЬ
СЛИШКОМ ЧУЖАЯ, СЛИШКОМ СВОЯ
ПРОГУЛКИ ПО ЧУЖИМ НОЧАМ
МОЯ НЕЗНАКОМАЯ ЖИЗНЬ
ЖЕНЩИНА С ГЛАЗАМИ КОШКИ
НАЙТИ СВОЙ ОСТРОВ
ПРАВО БЕЗУМНОЙ НОЧИ
НЕВИДИМЫЕ ТЕНИ
ЧАСОВОЙ МЕХАНИЗМ ЛЮБВИ
НЕВОЗМОЖНОСТЬ СТРАСТИ
ВСТРЕЧА ОТ ЛУКАВОГО

АЛЛА ПОЛЯНСКАЯ

ВСТРЕЧА
ОТ ЛУКАВОГО

МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Оформление серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*

Иллюстрация на переплете *Ф. Барбышева*

Полянская, Алла.

П54 Встреча от лукавого : [роман] / Алла Полянская. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 320 с. — (От ненависти до любви).

ISBN 978-5-699-82877-7

Ангелина Яблонская, начальник отдела рекламы, в один отнюдь не прекрасный день нашла сомнительные документы со своей подписью. Но она ничего не подписывала! Она поделилась проблемой с коллегой и подругой Люсей, а в результате — публичный разнос от шефа и увольнение с позором! Казалось бы, хуже уже быть не может, но когда Лина вернулась домой раньше времени, она услышала из прихожей, как муж и свекровь обсуждают чьи-то похороны... ее похороны! Им давно приглянулась квартира Лины, а сама она только мешалась под ногами... Что ж, раз она все равно никому не нужна, Лина решила покориться судьбе. Она только оформила завещание на своего брата и его дочь — не оставлять же убийцам вожделенную квартиру! В назначенный день Лина влезла на крышу высотки и стала ждать киллера. И он появился! Но так случилось, что убивать ее он не стал. С этого момента и начались их общие неприятности...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Copyright © PR-Prime Company, 2015
© Оформление.

ISBN 978-5-699-82877-7

ООО «Издательство «Э», 2015

1

Моя смерть назначена на сегодня, часов на пять.

Крыша теплая, несмотря на начало октября, и на ее черном фоне ярко выделяются желтые листья. Как они сюда попали, четырнадцатый этаж все-таки?.. Я села на теплый рубероид, оперлась спиной о кирпичный выступ воздуховода и стала ждать. У меня в запасе было полчаса.

Нет, можно сейчас куда-то бежать, суетиться, прятаться, но выглядеть это будет жалко и смешно. Когда нанимают убийцу, он в любом случае сделает свое дело, потому что у него нет к объекту ничего личного — это просто бизнес. Бегай не бегай...

Я посмотрела на город — даже если бы не было этих желтых листьев, даже если бы не видно было облетевших кленов на бульваре, я бы знала, что сейчас осень — по цвету реки. Она разная — весной и летом, а осенью и во все особенная, даже в солнечный день она очень синяя, нахмуренная, не то что летом. Хорошо бы сейчас пойти туда, побродить по песку, зайти в воду ненадолго — промочить ноги и чувствовать себя живой, до последней клеточки живой и настоящей. Потому что впереди есть завтра, и это «завтра» длинное, на годы — оно все есть и есть, оно никогда не заканчивается.

Но сегодня — это сегодня. И никакого «завтра» уже не будет.

Никогда так хорошо не дышится, как за полчаса до смерти.

Нет, уже меньше.

Не могу сказать, что я не боец. Нет, я всегда умела постоять за себя. Но сейчас во мне словно что-то сломалось, и пришел покой. И мысль о том, что скоро придет конец, меня не особенно тревожит — я сижу, смотрю на реку и думаю о том, что сказал Гендальф насчет той стороны — серая, как дождь, завеса этого мира отдернется, и откроется серебристое окно, и там будут белые берега. А за ними — далекие зеленые холмы под восходящим солнцем. Я представляла себе этот новый мир, в который я войду, и никуда не хотелось бежать. Все, что тревожило меня и причиняло боль, я оставлю здесь.

Ежедневная беготня за материальными благами — это глупо, так глупо! Вот сижу я на крыше и думаю о том, что не заберу с собой ничего. То есть вообще — ничего. Кроме воспоминаний, если предположить, что Гендальф сказал правду, хотя с чего бы ему врать?

Они решили, что избавятся от меня. В какой-то момент мне вдруг стало смешно — ну что они могут себе забрать, мою квартиру? О господи. Это мой муж, с которым я прожила пять лет, и его мать.

Я узнала об этом неделю назад. Как-то все быстро стало сыпаться, одно за другим — сначала я подала на развод. Наняла адвоката, заплатила ему и расслабилась — процесс будет идти без меня. Я хотела развестись давно, на то были причины, но решилась только сейчас, потому что настал момент, когда удельный вес моего пофигизма стал меньше того, что приходилось терпеть. К этому все шло, и мы с Виктором оба это понимали, а потому он воспринял мое сообщение о грядущем расставании с покорностью святого, смирившегося со своей судьбой. Мы

договорились, что он поживет в моей квартире до развода, а тем временем найдет себе жилье. С его же стороны последовало обещание, что его мать перестанет к нам приезжать. Машину мы договорились оставить ему, он обещал выплатить мне половину ее стоимости. И хотя кредит погашала я, но это мелочи — плата за свободу. Адвокат покивал — что ж, это мое решение, он был настроен забрать в мою пользу совершенно все, Виктор ему явно очень не понравился. А я решила — пусть. Я все равно мало езжу на машине.

Решив все так, я успокоилась. Суд был назначен через две недели. Ничего особенного, другие люди тоже разводятся, это не трагедия. Виктор решил адвоката не нанимать, так что на суд он пойдет сам, а я считала, что мне это не нужно.

И все было неплохо — ровно до тех пор, пока через неделю после того, как из суда прислали бумагу, уведомляющую стороны, то есть нас с Виктором, о дате слушания, с легкой руки моей лучшей подруги меня не уволили с работы. Я пришла домой раньше, чем прихожу каждый день, и услышала разговор дражайшего супруга с не менее дражайшей свекровью, которая не должна была больше приезжать в мою квартиру в соответствии с нашими договоренностями. Но она сидела в моей гостиной, и они с Виктором деловито обсуждали, как нужно организовать похороны, когда полиция отдаст тело, и сокрушались, что все очень дорого, а оставить труп в морге тоже нельзя — соседи осудят, и родня не поймет, так что придется потратиться на приличный гроб... Я сначала подумала, что умерла свекровкина мать в Костроме, но она жила со своей второй дочерью, и хоронить ее, если что, будут там — да и с чего бы ее тело забирать из полиции?

А потом муж сказал:

— Ее брат придет, вопросы будет задавать.

— Ну и скажем, что кто-то ее убил, пусть в полицию обращается. Он никто, какой-то компьютерщик! Поспрашивает, на том и сядет. Не бойся, сына. Смотри, как все удачно: мы и время знаем — после обеда, ближе к вечеру, подготовим алиби на всякий случай. А потом человек привезет фотографии трупа, и остальное тоже, я отдам ему остаток денег, и ты свободен. Изобразишь безутешного вдовца, а через пару месяцев забудешь все как страшный сон. Нельзя допустить развода, эта квартира не подлежит разделу, я узнавала. Ты останешься ни с чем.

— Мам... Это все-таки очень опасно.

— А что ты предлагаешь? Она разведется с тобой, и ты останешься на улице! Я, конечно, приму тебя, но зачем такие жертвы? Еще и деньги ей за машину заплатишь! А так — детей у вас нет, кому она нужна, чтобы копаться в ее смерти? Каждый день людей убивают, тоже мне — проблема. Нет, сына, не для того ты пять лет терпел ее, чтобы в итоге...

И я поняла, что это они о моих похоронах договариваются. А страшный сон — это я. Нет, ну нормально? Страшный сон, значит. В принципе, я и сама давно была не рада нашему сосуществованию, но чтобы такое? И ведь очень креативное решение, если вдуматься. Пожалуй, для моего мужа это отличный выход. Но мне отчего-то он не нравится. Мне отвратительно думать, что свекровь и муж будут трястись над каждой копеечкой, и в итоге на моей могиле сиротливо забелеет фанерная табличка с надписью: Ангелина Яблонская, 28 лет, главная лузерша страны. В общем, я это услышала, и, конечно, не обрадовалась.

Я минуту стояла в прихожей, замерев от удивления и ужаса. Потом попятилась к двери и выскочила на лестничную площадку, тихо заперев замок. Это я покупала за-

мок — хороший, израильский, практически бесшумный, дверь тоже добротная — тяжелая, бронированная, обитая дубом, она открывается и закрывается с мягким, едва слышным щелчком. Я обустроивала свое жилье, не жалея денег, — ну, как же, мое собственное гнездо! Квартиру эту оставила мне бабушка — мать папы. У нас с братом разные отцы и, соответственно, разные бабушки, хотя они обе не делали между мной и Петькой разницы, принимая нас у себя. Но квартиру бабушка Маша все-таки оставила мне — родная внучка, единственная, опять же. И еще пополам с Петькой нам досталась старенькая дача постройки сороковых годов прошлого века, и брат получил старинные золотые дедовские запонки с бриллиантами, продав которые, он купил себе квартиру в Питере, потому что там у него была работа. А родня шепталась, что вот ведь Петька внук не родной, а Маша святая — его не обделила.

Мне эти разговоры были ненавистны, как и все, что родственники развели вокруг бабушкиных похорон, она, я знаю, ненавидела мещанские условности и всегда их высмеивала. Но что можно доказать этим людям, непонятным образом оказавшимся моими родственниками? Они понимают скорбь как нечто показное, как демонстративные слезы и черные траурные одежды — может быть, оттого, что на самом деле никакой скорби не испытывают, а вздыхают с постными лицами потому, что так «положено». Зачем они явились на бабушкины похороны, тоже было неясно, я забыла о них сразу же, как только они закрыли за собой дверь. Мне ни к чему эти незнакомые люди, которым плевать на бабушку, но очень хочется поучаствовать в тусовке.

Мы с Петькой горевали о бабушке Маше одинаково, потому что она и все, что связано с ней, — это было наше счастливое детство. Она сумела нам его организовать,

Петька никогда не чувствовал себя «неродным внуком», хотя, конечно, фактически бабушка Маша была только моя. После ее похорон я моментально выбросила из дома всю родню, желающую порыться в бабушкиных комодах, и мы с Петькой стали осторожно разбирать ее платья, кофточки, шляпки и ридикули. И плакали, понимая, что вместе с бабушкой Машей ушло от нас что-то важное и настоящее. Счастье. И теперь мы уже не любимые внуки, а взрослые граждане, и в этой взрослой жизни у Петьки есть гангрена-жена, неведомо как им приобретенная, а я и вовсе пока бултыхаюсь, как есть. И больше никогда мы не увидим нашу бабушку Машу — веселую, заводную, в вечной шляпке, набекрень сидевшей на тщательно завитых кудрях. Это был худший день в моей жизни, все бабушкины вещи мы просто вывезли на дачу. Выбросить рука не поднялась. На даче бываем только мы с Петькой, да еще он дочку свою берет. По негласному нашему с ним договору ни мой супруг, ни Петькина жена Светка там не бывают. Тут не столько даже мы договорились, сколько так вышло, что наши «половины» оказались эмоционально ущербными, и наш домик не выдержит их присутствия. Он такой милый, построенный на берегу реки — в этом месте раздавали дачи ученым, а родители бабушки Маши как раз и были научными работниками в каком-то техническом институте. Дача находится в уютном дачном поселке всего в пяти километрах от города, мне туда ездить очень удобно, а Петьке из Питера немного далековато, но он ездит. Там мы разжигаем мангал, жарим шашлыки, я вожусь с цветами, а Петька занимается немудреным ремонтом или уборкой на участке. Участок большой, полгектара, мы оставили там все, как было, — заросли сирени, клены, тропинку к берегу реки, огромную старую грушу. А на акации около дома гнездятся ди-

кие голуби и гудят, гудят. И бабочки-адмиралы летают над цветами. Ну, разве можно туда привозить чужих?

Да и не понимают они ничего — мой Виктор был там однажды и, конечно же, взял с собой мать, которая обошла весь участок с инспекцией, раскритиковала бездарное, по ее мнению, использование земли, и они вместе стали планировать грядки с помидорами на месте кустов и клумб, пока мы с Петькой не прекратили это безобразие, причем в довольно резких выражениях. А Светка хоть и не была там, но я знаю, она сразу захочет превратить наш старый домик в нечто «модное», но мы этого позволить не можем — в домике все еще живет наше детство. Там до сих пор такой же запах, как был при бабушке Маше. И потому Виктор думает, что дача Петькина, а Светка — что моя. Поскольку Светка терпеть меня не может, а Виктор в первый свой приезд на дачу едва не получил от Петьки по морде, то в этот дом они не стремятся, и это есть великое благо. Я иногда думаю, что Виктор и Светка отлично подходят друг другу и надо бы их познакомить.

Но дача есть дача, она чисто для души, а для обычной жизни у меня есть квартира, которую я превратила в нечто новое и красивое. Просто потому, что жить среди вещей, напоминающих о бабушке, я не могла. Хотя круглый стол и бабушкино трюмо я оставила.

И теперь ради этой квартиры мой муж решил меня убить. Потому что я подала на развод, а по закону он не может отобрать у меня половину.

Я тогда поднялась на крышу соседнего дома — точно так же, как сегодня. Был такой же день — но тогда сердце у меня колотилось, как бешеное. И я не знала, куда бежать, и собралась позвонить Петьке. А потом вдруг подумала — зачем? На этот раз, возможно, я смогу избежать смерти. И ради чего я стану жить? Работы у меня отныне нет, и,

судя по тому, в чем меня обвинили, мне придется думать о том, чтобы менять специальность, город и планету. Муж... ну, даже если я сейчас пойду в полицию и они что-то предпримут, и я останусь в живых, где гарантия, что следующий супруг не окажется точно таким же? А там... Серая, как дождь, завеса этого мира отдернется, и откроется серебряное окно. Гендальфу врать незачем.

И я пошла к нотариусу составлять завещание, внутренне ликуя, — просто представила вытянувшиеся рожи супруга и его маменьки, когда они узнают, что им ничего не досталось. Петьку убить у них кишка тонка, да и денег нет на нового киллера. Они и эти-то деньги небось одолжили в надежде заполучить мою квартиру. Им нет смысла Петьку убивать, потому что после него квартиру унаследует моя племянка Тонька. Вот так-то, граждане.

Нотариус, молодой симпатичный мужик, очень удивился, зачем мне понадобилось завещание. Конечно, рассказывать ему о планах мужа и свекрови, как и о своих собственных, я не стала — зачем? Он выслушал мои пожелания, очень простые и ясные, составил завещание, я пришла к нему на следующий день, подписала, и все. Пришлось потратить на это время, но дело того стоило. Я не стала спрашивать, как он узнает, что меня уже нет, и как найдет Петьку, — но думаю, что есть какая-то система, не одна же я пишу завещание.

Я отчего-то совершенно не думала, что будет, когда придет время и убийца примется за дело. Как он это осуществит? Застрелит меня или собьет машиной? Лучше, если просто сбросит с крыши. Я полечу вниз, в последний раз ища взглядом реку, и расплескаюсь на асфальте, и прорасту травой — потом. Я навсегда останусь в городе около дома, где прошло мое детство. Прямо напротив этой новой четырнадцатизэтажки — старый бабушкин

дом: три этажа, высокие потолки, огромные комнаты, камин в спальне, лепнина на потолке, и соседей немного. Ходили слухи, что дом снесут, но потом дело заглохло, и я этому радовалась. Так он и остался, мой дом — как зеленый островок среди бетонно-стеклянных высоток.

Если я сейчас нахожусь здесь, значит, меня просто сбросят вниз. Я сама сюда пришла — пусть хоть это станет моим выбором, раз нет другого. Наверное, будет больно — какой-то миг, но для этого есть таблетки, я напилась их достаточно, чтобы не переживать о боли. Я думала, что не боюсь, но все-таки немножко боюсь. И только мысль о том, какую свинью я приготовила своему мужу и его мамаше, греет мне душу. Ведь они понятия не имеют, что есть завещание! Боже, все бы отдала, чтобы посмотреть на их лица, когда... А может, и посмотрю. Оттуда.

А сейчас позвоню-ка я Петьке, чтобы услышать его еще раз. У меня, кроме него, никого больше нет.

— Привет.

— Привет, Лина. — Петькин голос на фоне компьютерного писка такой знакомый. — Как дела, сестренка?

— Ничего, дышу.

И это правда. Все, что я могу сейчас о себе сказать правдивого, вот эта фраза. Лгать я не люблю.

— А ты как, Петь?

— Да как обычно.

Как обычно — это работа, а дома — Светка, которая ни готовить, ни прибраться, ни за ребенком последить не способна, зато пасть у нее никогда не закрывается, и то, что из этой пасти несется, отнюдь не великосветские разговоры, чтоб вы понимали.

— Снова поцапались?

— А у нас по-другому не бывает.

— Так брось ее к чертям, Петь!

— А Тонька? Она мне назло ее не отдаст.

Это наш обычный разговор. Все дело в Тоньке, которую Петька любит больше жизни, и которую Светка ему, конечно, не отдаст — не потому, что ей нужна «проклятая спиногрызка», как она ее называет. Нет, она ее не отдаст, чтобы досадить Петьке. Мы оба это знаем, но мне хочется все-таки изменить статус-кво, и ничего другого, кроме как толкнуть Светку под трамвай, мне в голову не приходит.

— Ладно, сестренка, что-то придумаем. Тут подвижки наметились, потом расскажу, сейчас рано. Ты к бабуле давно ездила?

Бабуля — это мать Петькиного отца, бабушка Валя. Летом она всегда подхватывала эстафету нашего с Петькой воспитания из ослабевших рук бабушки Маши, и мы охотно ехали в Домоткань — там у бабушки Вали старенький домик, она держала тогда вполне ухоженное хозяйство. Сейчас мы ездим к бабуле как можно чаще: хозяйства уже нет, и сил у нее все меньше, но переезжать ни к кому из нас она не хочет — ей не по душе ни Виктор, ни Светка.

— Две недели назад ездила. Ничего, она у нас молодецом, Петь. Козу держит, кошка имеется, и щенка ей кто-то подарил, чтоб не скучно было. Правда, щенок совсем крохотный, но он вырастет. А позавчера я денег ей послала — мало ли, что-нибудь понадобится, какая там пенсия.

— Молодчина. Я тоже вчера послал, а в субботу мы с Тонькой к ней поедem. Я ей платок пуховый купил, и сапоги на зиму повезем.

— Привет передай.

Не знаю, как бабуля переживет мою смерть. И Петька тоже. Зато он сможет бросить Светку и жить в моей квартире, а это плюс. Всегда есть плюс, главное его найти.

На крышу рядом со мной легла тень — ну, вот и все. Я подняла голову — высокий мужик, очень крепкий на вид, с лицом, словно специально слепленным так, чтобы его невозможно было запомнить. Надо же.

— Ладно, Петь, мне пора. Люблю тебя.

— И я тебя люблю, сестренка. Увидимся.

Конечно, увидимся. Я верю, что люди, любящие друг друга, увидятся на той стороне — совсем скоро я увижу бабушку Машу. И это очевидный плюс, один из... Только убийца мне попался какой-то очень неприметный. На меня напал смех — ну, до чего же смешно! Я думала, что убийца будет какой-то такой... ну, как Бандерас в триллерах или хотя бы как Сталлоне — лет двадцать назад. А этот... ну, никакой. Хотя фигура неплохая.

— Что смешного?

Как-то неудобно ему сказать, что я ждала более красочного персонажа. Я сейчас умру, и мне будет все равно, а его это, наверно, ранит. Он будет об этом думать, и у него разовьется комплекс... боже, как смешно!

— Извините. Нет, ничего. Вы меня с крыши сбросите?

— Такой был план.

— Ладно, бросайте.

Он смотрит на меня как на сумасшедшую.

— Ну, чего вы? Или мне надо встать, что ли... ну, правильно, как же вы меня сбросите, если я сижу, так и надорваться можно. Мне подойти к краю?

— Было бы хорошо.

— Насчет хорошо — я сомневаюсь, но удобнее — безусловно.

Я пытаюсь встать, но я съела целую пачку таблеток, и вставать мне не слишком уютно. Он подает мне руку, она у него неожиданно теплая и сухая. Вот что я ненавижу больше, чем подлых тварей вроде моей свекрови, так